ВЕСТНИК

РУССКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ АКАДЕМИИ

2009

том 10

выпуск 2

Издается с 1997 г.

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург

Журнал является научным изданием
Русской христианской гуманитарной академии.
Издается с 1997 г. С 2009 г. выходит 4 раза в год.

Главный редактор
Д. В. Шмонин

Зам. главного редактора
А. А. Ермичев

Редакционная коллегия:
Е. Г. Андреева, Д. К. Бурлака, Т. В. Ермакова, К. Е. Нетужилов,
П. Ю. Нешитов *(отв. секретарь редколлегии)*, О. Е. Иванов,
М. В. Руднева, Р. В. Светлов, Т. Ф. Фадеева, А. А. Хлевов

Вестник Русской христианской гуманитарной академии.
2009. Том 10. Вып. 2.— СПб.: Изд-во РХГА, 2009.
ISSN 1819–2777

Печатается при финансовой поддержке
Комитета по науке и высшей школе
Правительства Санкт-Петербурга

© Русская христианская
гуманитарная академия, 2009
© Авторы выпуска, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редакции 7

К 20-летию ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РХГА

Поздравления 9
Бурлака Д. К. Двадцать лет по Русскому Пути 30

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

Захарова Е. В. Онтологическая недостаточность: религиозное исцеление 58
Анисин А. Л. Идея соборности и догмат Троицы:
богословские предпосылки философского принципа 70
Трунов Д. Г. Идея Бога и самопознание 82

ФИЛОСОФИЯ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

У истоков трансцендентализма: к 285-летию И. Канта

Лошаков Р. А. Кантовское *a priori* как эсхатологическая реальность 91
Печурчик Ю. Ю. Философия Канта и религия откровения 106
Цыпина Л. В. Человек в мире: учение о «последней цели» природы
и «конечной цели творения» в телеологии И. Канта 116
Ломоносов А. Г. Проблема понимания сущности трансцендентального знания 127
Демин М. Р. Университетская философия Германии
первой половины XIX века: дух и буква 142

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

К 125-летию Бориса Валентиновича Яковенко

«...Современная эпоха развивается и протекает под знаком русского духа».
(Вступительные статьи Б. В. Яковенко к трем номерам журнала «Der russische Gedanke». Предисловие и примечание А. А. Ермичева. Переводы П. Ю. Нешитова, А. Ю. Вязьмина, А. А. Ермичева) 153

Имена и сюжеты

Усачев А. В. Феномен преемственности в русской философии 165
Павлов А. Т. Философия в Московском университете в преддверии расцвета
русской философской мысли в начале XX века 175
Поляков Д. Д. Соборность как системообразующая категория
философии образования о. Сергия Булгакова 189

М. Р. Демин

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ГЕРМАНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ДУХ И БУКВА

Текст является главным медиумом, посредником между носителем философских идей и их реципиентом. Однако сам философский текст редко направлен на раскрытие механизмов коммуникационного успеха, подразумевая, что его суггестивная значимость находится только в области смысла. Прагматика философского текста в значительной степени зависит от сложившихся способов циркуляции философского знания, которые в свою очередь подкреплены социальной и институциональной организацией общества. В статье предлагается гипотеза, согласно которой возникновение и расцвет немецкого идеализма в начале XIX века, а также его нисхождение к середине столетия были тесно связаны с реформами системы образования и изменением традиционных каналов производства и трансляции знания. Для подтверждения этого предположения будет рассмотрено, как в рамках немецкого университета посредством стилистических и институциональных модификаций меняется представление о философской работе и трансформируется практика философствования.

В книге, название которой можно перевести как «Системы регистрации 1800/1900» (Aufschreibesysteme 1800/1900), берлинский медиа-теоретик Фридрих Киттлер отстаивает идею о различных стратегиях языковой социализации на рубеже XIX–XX веков[1]. По мнению немецкого ученого, языковые представления и самоидентификации в начале XIX столетия формировались, прежде всего, через внутрисемейное, материнское воспитание. Язык матери (Mutter-Sprache) являлся мощным диспозитивом власти, обеспечивая приоритет устности над письменностью (умение правильно выговаривать=умение правильно писать). Традиционные властные сословия (дворянство, духовенство) сменялись новым — бюрократией, вхождение в которую определялось не правом рождения, а умением вырабатывать и правильно выражать собственные мысли. Утвердившийся приоритет устности над письменностью оказал значительное влияние на реформы системы образования и практику научных исследований начала XIX века, сделав преподавание языка центром школьного образования, а обучение философии — центром университетского.

[1] Kittler F. A. Aufschreibesysteme 1800, 1900 / Friedrich A. Kittler.— 3. Neuaufl.— München: Fink, 1995.

Дух против букв

«Наукоучение никоем образом не есть напечатанная книга: но оно есть живая, вечно новая и свежепродуцируемая мысль, которая при каждом новом условии времени и сообщения высказывает себя иначе»[2],— так пишет в одном из поздних вариантов своего философского учения Фихте. Проблема построения философской модели для Фихте является одновременно и проблемой изложения его наукоучения. Из всех представителей немецкой философии Фихте наиболее радикальным образом выступает против традиционного книгооборота, предполагающего жесткую фиксацию философского учения в письменной форме. «Наукоучение таково, что оно может быть усвоено не с помощью просто буквы, а только с помощью духа; ибо его основные идеи в каждом, кто его изучает, должны быть непременно порождены творческой силой воображения»[3]. Типографическая фиксация, открывающая возможности для тиражирования, ведет к утрате личного воздействия философа на аудиторию. Фихте противится разрушению единства языка и чувственного восприятия: коммуникационный процесс в области философии должен проходить перформативно. Для Фихте тот, кто просто пишет, не может называться философом; тот, кто просто читает, не может философски воспринимать. В лекциях Фихте рассчитывает не столько на информативность свой речи, сколько на то, что благодаря его знаниям слушатели переживут перерождение, эстетический катарсис. Установка на эмоциональный эффект, достигаемый устной речью лектора-философа, является копированием прагматики литературного текста.

Философия в начале XIX века конкурирует за влияние на публику с литературой (и прежде всего поэзией), подражая прагматике литературного текста. В переписке с Шиллером Фихте заявляет: «Как я знаю, дух в философии и дух в изящных искусствах так близко родственны, как разновидности одного и того же жанра... Философия изначально совсем не имеет букв, она — исключительно дух (lauter Geist), и в этом-то и дело, чтобы этот дух ухватить и установить»[4]. В этой позиции Фихте не одинок. Подобный взгляд выражает и Якоби, который не мыслит интеллектуальное общение без личного участия: «Письмо и язык отделены от жизни человека, они больше не письмо и не язык, они только лишь бесформенные линии, бессмысленные звуки»[5]. Отношение к печатному слову выступает критерием отличия настоящей философии от философии ненастоящей. Так, в юношеском наброске Гегель противопоставляет письменную (книжную) философию новой философии — «философии как поэзии»: «Философ должен обладать ровно такими же этическими силами, как и поэт. Люди без эстетических чувств — прописные философы (Buchstabenphilosophen). Философия духа есть эстетическая фил[ософия]»[6].

---

[2] Фихте И. Г. Наукоучение 1805 г. /пер. В. В. Мурского // Фихте И. Г. Система учения о нравах согласно принципам наукучения; Наукоучение 1805 г.; Наукоучение 1813 г.; Наукоучение 1814 г.— СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.— С. 351.

[3] Фихте И. Г. Основа общего наукоучения / пер. Б. В. Яковенко // Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792–1801 гг.— М.: Ладомир, 1995.— С. 432.

[4] Fichte I. H. Johann Gottlieb Fichte's Leben und literarischer Briefwechsel, Band 2, 2.— Auflage Leipzig, 1862.— S. 380.

[5] Jacobi F. H. Werke in 6 Bd. 1.Bd. (Hg)F. v. Roth.— Leipzig: Jüng. 1812.— S. 285.

[6] Hegel G. W. Das älteste Systemprogramm des deutschen Idealismus. Kritische Edition // Mythologie der Vernunft. Hrsg. von Jamme Ch., Schneider H.— Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984.— S.12. Испытать на себе эффект от устного прочтения «эстетической программы» можно обратившись по ссылке на аудиофайл в Интернете: http://federlese.com/index.php? id=17.

Агрессивная тактика философии по отношению к литературе в борьбе за власть над публикой вынуждала литераторов занимать оборонительные позиции. Отвечая на письмо Фихте, Шиллер заявляет, что не видит в противопоставлении большого смысла, а само противопоставление находит неясным. Более того, он не поддерживает предложение философа посвятить номер «Die Horen» теме «Дух против буквы»[7] и даже отклоняет статью Фихте «О духе и букве в философии», которую последний публикует спустя три года в «Philosophischen Journal». Позицию своего коллеги разделяет и Шлегель: «Учение о духе и буквах помимо прочего еще интересно потому, что оно может установить контакт философии с филологией»[8]. Для Шлегеля необходимость фиксации философского смысла в материальном коде — типографическом шрифте роднит философию и филологию[9].

Мимикрия философского текста под текст художественный (прежде всего поэтический) наделяет его автора презумпцией гениальности. Позиция философа-гения, сближающая философа с поэтом, легитимировала в глазах слушателей отсутствие ссылок на какие-либо другие философские авторитеты. Новый тип производства философии имел важные институциональные последствия, повлияв на практику преподавания философии[10]. Известно, что Кант, предшественник Фихте, свои лекции читал по книгам, автором которых он не являлся[11]. Именно Фихте оказался первым в истории немецкого университета, который стал читать лекции по философии, не пользуясь чужими учебниками. Показательно, что, опубликовав в 1794 году лекционный курс «Основа общего наукоучения», автор сопровождает его подзаголовком: «На правах рукописи для слушателей». Используемое в этом случае немецкое слово

---

[7] Fichte I. H. Johann Gottlieb Fichte's Leben und literarischer Briefwechsel, Band 2, 2.— Auflage Leipzig, 1862.— S. 380.

[8] Schlegel F. Fragmente // Athenaeum (Hg) A. W. v. Schlegel, F v. Schlegel. Berlin. 1. Bd. 2.— Stück. 1798.— S. 24.

[9] О концепции языка и духа у Шлегеля см.: Lau V. Erzählen und Verstehen. Historische Perspektiven der Hermeneutik.— Würzburg: Königshausen und Neumann, 1999.— S. 226–231.

[10] Чтения лекций без конспектов еще долгое время оставалось отличительно чертой немецкого университета, вызывая противоречивые чувства у студентов из других стан. В этом отношении любопытно свидетельство нашего соотечественника П. А. Милославского, стажировавшегося в Германии в семидесятые годы. Будущий профессор Казанского университета так описывает действия немецкого лектора: «Он излагает без тетрадки, экспромтом, часто воодушевляется до пафоса в разъяснении какой-нибудь метафизической тонкости, не обращая внимания ни на стиль, ни на логическую связь своих мыслей. Ошибки в построении речи, неточности, преувеличения, логическую неправильность он исправляет тут же и таким образом доводит свое разъяснение до требуемой или, по крайней мере, до возможной ясности и точности. Такой способ изложения для человека, привыкшего видеть в лекции научно-литературное произведение, с первого раза поражает своей оригинальностью и незатейливостью. Но немцы не без основания видят в этом преимущества университетской науки» (Милославский П. А. Типы современной философской мысли в Германии (Очерки из путешествия за границу).— Казань, 1878.— С. 34).

[11] О том, что Кант был представителем предшествующей традиции книгооборота, свидетельствует совсем иная стратегия понимания философской коммуникации, которая предполагала превосходство слушающего над говорящим, читающего над автором текста: «Замечу только: нет ничего необычного в том, что и в обыденной речи, и в сочинениях (sowohl im gemeinen Gespräche, als in Schriften), когда мы сравниваем мысли, высказанные автором о своем предмете, мы понимаем его лучше, чем он сам себя, если он недостаточно точно определил свое понятие и из-за этого иногда говорил или даже думал в противоречии со своими собственными замыслами» (Кант И. Критика чистого разума А 370 // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках.— Т. 2.— Ч. 1 / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой.— М.: Наука, 2006.— С. 479).

«Handschrift», дословно переводимое как «письмо, совершаемое от руки», противопоставляется немецкому слову «буква» (der Buchstabe), имеющему общий корень со словом «книга» (das Buch).

Рефлексия по поводу возможности транслирования нового философского знания, затрагивая такое важное понятия, как «дух», не только конституирует новые философские учения, но и создает новую теоретическую базу в области практики преподавания философии. В статье, посвященной новому устройству университета, Фихте излагает концепцию преподавания философии. Согласно его плану, философия в виде энциклопедических лекции (enzyklopädischen Vorlesungen) должна читаться философом на первом курсе всем студентам. Курс должен проходить в форме устных докладов, а по окончанию года студент обязан предоставить сочинение. При этом если сочинение касается «позитивно-научного материала», то к учителю-философу, по мнению Фихте, для проверки написанного должен присоединиться и специалист по предмету[12]. Свободная речь философа-гения противопоставляется контролируемой письменной (фиксированной) речи студента. Однако студент не повторяет за преподавателем, а учится также, как и его учитель, свободно излагать свои мысли. С позиции философа-гения философии нельзя обучить, философом можно только стать.

Сочинение по курсу философской энциклопедии выступает в качестве приемника выпускного школьного сочинения, успешное написание которого давало возможность учащимся гимназий продолжить обучение в университете. «Немецкий язык — спиритуалистический медиум всех медиумов, таких как поэзия или фантазия,— находится в гимназии уже по другую сторону гимназии; он связывает предметную дисциплину с чтением в свободное время и с науками, которые находятся уже не в гимназии, а в университете»[13],— пишет Киттлер. Философия в университете становится метаязыком всей университетской системы знания. Эта связь подмечалась самими реформаторами образования. Так, Шлейермахер утверждал: «Занятия немецким языком нужно рассматривать не просто как занятия языком (так как родной язык является непосредственным органом понимания и вообще фантазии), но как такие занятия, в которых, главным образом, скрывается все необходимое для свободного формального образования духа в школе; все, чтобы быть подготовкой к философии»[14].

Философия выходит в тираж

Превращение философского факультета в центральный объясняется еще и институциональными особенностями организации знания. По мере развития частных наук философский факультет становится самым большим в университете, так как он включает преподавание всех дисциплины, кроме теологии, юриспруденции и медицины, для которых существовали отдельные факультеты. Проблема соотношения обучения на философском факультете и получения специальности философия была зафиксирована Шеллингом. С одной стороны, он утверждает, что философского факультета «нет и быть не может <...> что является *всем*, именно поэтому не может быть *ничем*

[12] Fichte J.G. Deducirter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höhern Lahranstalt (1807) // Fichte, Schleiermacher und Steffens über das Wesen der Universität (Hg.) E. Spranger Leipzig. 1919.— S. 45.

[13] Kittler F. Aufschreibesysteme... S. 193.

[14] Zit. Ibid. S. 193.

в особенности»[15]. С другой — создатель «Системы трансцендентального идеализма» высказывает фундаментальную для университетской философии мысль о том, что философии можно обучить: «Когда говорят, что философии нельзя научить, то это вовсе не значит, что каждый может обладать ею без упражнения (Übung)...»[16] В этом смысле Шеллинг правильно обозначил точку, из которой впоследствии развился институциональный конфликт. На протяжении всей второй половины XIX века философия теряет влияние на философском факультете, она перестает быть духовным медиумом для всех университетских наук. Теряя это высокое положение, она приобретает место в одном ряду с другими дисциплинами. Философия как специальность требует не только умения (умения быть человеком), но и специфических философских знаний (прежде всего ориентирования в различных концепциях).

Стремлением перевода философии из устной области в легко тиражируемую письменную можно объяснить активную публикацию текстов лекционных курсов в 30–40-е годы. Вспомним, что при жизни Гегеля вышло не так много его произведений. Однако благодарные ученики взяли на тебя труд по изданию лекционных материалов своего учителя, предоставив последующим поколениям комментаторов повод для споров о том, насколько можно доверять опубликованным конспектам[17]. В то же время публикацию лекций Гегеля можно объяснить не только популяризаторскими планами некоторых его учеников, но и общей востребованностью неуниверситетской аудиторией такого рода изданий. Публикуются лекции как уже почивших философов, так и материалы курсов, читаемых в то время в университете[18]. Иллюстрацией важности публикации лекций может служить известный скандал, связанный с изданием студенческой записи лекционного курса Шеллинга (1841/42). Этот инцидент выявил новое отношение к правам на продукты философского труда. Несогласованную с ним публикацию Шеллинг понимает как нарушение авторских прав и подает в суд. Однако юридическая инстанция не видит в этом нарушения, и философ проигрывает дело[19].

---

[15] Шеллинг Ф. В. Й. Лекции о методе университетского образования / пер. с нем. И. Л. Фокина.— СПб.: Миръ, 2009.— С. 70.

[16] Там же. С. 53.

[17] Подробнее о судьбе гегелевского архива и его публикации см.: Плотников Н. Дух и буква. К истории изданий Гегеля.— Путь. 1995.— № 7.— С. 261–289. http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/plotnikov/articles/04_edition.html

[18] [W. T.] Krug, Universalphilosophische Vorlesungen für Gebildete beiderlei Geschlechts, Neustadt a. d. Orla 1831. K. Ch. F. Krause, Vorlesungen über die Grundwahrheiten der Wissenschaft, zugleich in ihrer Beziehung zu dem Leben. Nebst einer kurzen Darstellung und Würdigung der bisherigen Systeme der Philosophie, vornehmlich der neusten von Kant, Fichte, Schelling, Hegel, und der Lehre Jacobi's. Für Gebildete aller Stände, Göttingen 1829; J. E. Erdmann, Vorlesungen über Glauben und Wissen, als Einleitung in die Dogmatik und Religionsphilosophie, Berlin 1837; C. L. Michelet, Vorlesungen über die Persönlichkeit Gottes und Unsterblichkeit der Seele oder die ewige Persönlichkeit des Geistes, Berlin 1841; Ph. Marheineke, Einleitung in die öffentlichen Vorlesungen über die Bedeutung der hegelschen Philosophie in der christlichen Theologie. Nebst einem Separatvotum über B. Bauers Kritik der evangelischen Geschichte, Berlin 1842; H. F. W. Hinrichs, Politische Vorlesungen. Unser Zeitalter und wie es geworden, nach seinen politischen, kirchlichen und wissenschaftlichen Zuständen mit besonderm Bezüge auf Deutschland und namentlich Preußen, 2 Bde., Halle 1843. Schleiermacher Philos. Vorlesungen aus den Jahren 1803–1806, hrsg. 1836. J. Schaller, Vorlesungen über Schleiermacher, Halle 1844.

[19] Об университете и авторском праве: Derrida J. Nietzsches Otobiographie oder Politik des Eigennamens. Die Lehre Nietzsches. Übers. v. F. A. Kittler // Fugen. Deutsch-Französisches Jahrbuch für Text-Analytik Hrsg. v. M. Frank, F. A. Kittler, S. Weber.— 1980.— S. 25 f.

Тиражирование текстов приводит к тому, что теперь смысл отделяется от субъекта, его производящего, философия перестает пониматься как личностное знание. Смысл может быть легко зашифрован и расшифрован при помощи букв немецкого алфавита. Публикация лекций — явление перехода от преобладания устности к доминированию письменности, так как лекции, даже будучи напечатанными, имитируют устность. Помимо лекционных курсов к тридцатым годам оформляется еще один тип философского текста, имитирующий устность, а именно так называемая философия в письмах. Обозначения адресатов могут вызвать улыбку у современного читателя: Группе пишет «Антей. Переписка о спекулятивной философии и ее конфликте с наукой и языком (1831); Грипенкерл называет свой труд «Письма к юному ученому другу о философии и особенно об учении Гербата» (1832), Карл Розенкранц — «Гегель. Письмо, посланное Гофрату и проф. философии др. Карлу Фридриху Бахману» (1834), Магер пишет «Письмо даме о гегелевской философии» (1837), Р. Штид — «Христианская религия и гегелевская философия. Исследования в письмах» (1839), С. Фишер — «Диотима. Идея прекрасного. Философские письма» (1849)[20]. Использование эпистолярной формы — литературного жанра (роман в письмах), характерного для XVIII века (сентиментализм), кажется, может свидетельствовать о поиске других, помимо университетских, форм изложения философии. Однако философия в письмах, или даже сценарий комедии, которую пишет Розенкранц, являются лишь девиациями, показывающими болезненность смены парадигмы производства и трансляции философского знания.

Представление о том, что философии можно научить, привело к узурпации философии университетом, разделившим философствующее сообщество Германии. Одна его часть претерпевает политическую радикализацию и популяризаторское упрощение — такие настроения распространяются прежде всего среди мыслителей и публичных деятелей, испытавших влияние гегелевской философии. Появление новых (публичных) политических институтов и массовой прессы способствует становлению нового типа интеллектуала, чей мир, по словам Хабермаса,— «политическая культура возражения, в которой коммуникативные свободы граждан возможно и принимать, и мобилизовывать»[21]. В этом отношении область философского знания становится одной из площадок политической коммуникации, привнося в философский лексикон специфический полемический язык.

Другая часть философского сообщества — профессиональные философы, работающие в университете. В условиях напряженной политической обстановки каждая из групп претендовала на обладание истинной философией, при этом пытаясь дистанцироваться от своих соперников. Объектом критики становится и источник доходов университетских философов. В своей знаменитой статье «Об университетской философии» (1851) Шопенгауэр называет ее философией «по поручению правительства»[22]. А тремя годами раньше в контексте революционных событий 1848 года Карл Маркс со страниц «Neue Rheinische Zeitung» обличает «лакейскую природу немецких

---

[20] Подборка названий текстов взята из примечания книги Орлафс Бризе «Соперничества: философская культуры Германии 1830–1850 гг. Портреты и профили» (Briese O. Konkurrenzen: philosophische Kultur in Deutschland 1830–1850. Porträts und Profile. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1998.— S. 34).

[21] Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас.— 2006.— № 3 (47)Э.— С. 8.

[22] Шопенгауэр А. Соб. соч: В 6 т.— Т. 4; Parerga Paralipomena: В 2 т.— Т. 1: Parerga / пер. А. Чанышева.— М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика. 2001.— С. 106.

профессоров», обладающих таким образом мыслей, что «устыдился бы даже русский крепостной»[23]. Однако если для автора «Мира как воли и представления» университетскую философию олицетворяет философия Гегеля, то Маркс и Энгельс борются с университетскими профессорами за право ее наследовать. В брошюре «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886) Энгельс утверждает, что университетские философы являются «выродившимся потомством классической немецкой философии», тогда как «немецкое рабочее движение является наследником немецкой классической философии»[24]. Использование оскорбительных метафор, указывающих на причины невозможности физически продолжать свой род (например, гомосексуализм, бесплодие), можно объяснить именно претензией на символическое продолжение философской традиции.

Партикуляция и сегментация спроса на философскую продукцию приводит к смене жанровых особенностей философского текста. Если в начале XIX века философия копировала прагматику литературного текста, то, отделив себя от философии неуниверситетской, став академической дисциплиной, философия начинает копировать литературные жанры частных наук. Прежде всего, это возникновение как новых форм коммуникации (собрание, конференции), так и новых литературных формы (сообщение, доклад, реферат)[25]. Особенно стоит отметить жанр рецензий, которые приобретают гипертрофированные размеры: рецензия на одну книгу могла занимать около 40–50 страниц. Распространение получают так называемые «Streitschrieften» — «полемические записки» и работы с названиями, начинающимися приставной «анти»[26].

Знаковым событием стало проведение философского конгресса немецких философов в 1847 году. Возникновение идеи собраться всем философам в одном месте (город Гота, находящийся неподалеку от Йены) свидетельствует о значительном изменении образа философа. Во-первых, такое собрание предполагает признание профессионального сообщества, т. е. людей, объединенных не личной дружбой, симпатией (сильные связи), но принадлежностью к специализации, где взаимоотношения регламентируются через институциональную иерархию (слабые связи).

Теперь философ должен уметь публично отстаивать свою позицию перед профессиональным сообществом. Теория «свободного письма» без оглядки на какие-либо авторитеты, в основе которой лежит презумпция гениальности и убежденности в возможности разума «иметь дело только с самим собой», сменяется концепцией кумулятивного знания. Меняется само представление об авторе философской работы, философия представляется как совместная работа (Zusammenarbeit). Призыв к совместной работе

---

[23] Маркс К. Подлость немецких профессоров. [30 ноября 1848] // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— М., 1955–1966.— Т. 6.— С. 87–88. Стоит отметить, что Александр фон Гумбольдт в этом же году (2 апреля 1848 г.) выступил перед коллегами, возбужденными революционными событиями, с заявлением: «Никакой трон не держится так устойчиво, как наука...» (Briefe über Alexander von Humboldt's Kosmos. Ein Commemtar zu diesem Werke für gebildete Laien, Leipzig 1848, S IV. Цит по.: Grau C. Naturwissenschaft und Weltbild // Aufbruch in die Bürgerwelt: Lebensbilder aus Vormärz und Biedermeier / Helmut Bock; Renate Plöse (Hrsg.).— Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994.

[24] Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. С прил.: К. Маркс. Тезисы о Фейербахе.— М.: Политиздат, 1989.— С. 49.

[25] Kohnke K. C. Philosophie, Institutionelle Formen, 19. und 20. Jh., Deutschland // Historisches Wörterbuch der Philosophie Bd. 7, 1989.— S. 836 ff.

[26] Самый яркий пример: «Анти-Дюринг» (1878) Карла Маркса, Фридриха Энгельса, менее известный — «Анти-Тренделенбург» (1870) Куно Фишера.

имел прагматический смысл — интегрировать в единое профессиональное сообщество сторонников различных философских систем. В статье, посвященной философскому собранию, Фихте младший предлагает бороться против «жажды оригинальности» (Originalitätssucht) и «деляческих систем» (Systemmacherei)[27].

В то же время университетские философы были готовы проводить параллель между своим занятием и политическими событиями. В стремлении объединиться в единое сообщество при одновременном делении на различные школы можно видеть сходство с политическими устремлениями к объединению немецких земель и демократическим реформам. Любопытно, что политическая риторика использовалась даже при характеристике философии. Так, Ульрицы, коллега Фихте младшего по изданию журнала, говорил о необходимости перейти от «монархии систем» к «республиканской форме» философии[28]. Справедливости ради стоит сказать, что с таким пафосом открытое первое собрание философов оказалось последним.

Естественно, было бы преувеличением говорить о том, что эти жанры возникают в это время. Однако именно в середине XIX века они становятся неотъемлемой и очень важной частью философского дискурса. Показателен пример периодических изданий. В начале XIX века можно наблюдать резко возросшее количество журналов. Философия не выделяется тематически, работы по соответствующей проблематике выходят в одном ряду с литературными, публицистическими статьями. Актуализация «малых» жанров требует и нового формата изданий. Из пестрого многообразия периодической литературы начала века к 40–60 годам выделяются новые издания — «толстые журналы», имеющие жесткое тематическое ограничение[29]. Первым общим научным специализированным журналом по философии стал «Журнал по философии и философской критике» (Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik), основателем которого выступил Фихте младший[30]. Этот журнал, хотя и имел уже десятилетнюю предысторию в качестве «Журнала по философии и спекулятивной теологии» (Zeitschrift für Philosophie und speculative Theologie), начал издаваться в 1847 году и благодаря свой претензии отражать различные философские направления оказался долгожителем, просуществовав до 1914 года.

Однако и сама философия трансформировалась в сторону профессионализации. В качестве иллюстрации этих изменений образа философии можно привести программ-

---

[27] Fichte I. H. Vorschläge zu einer Philosophenversammlung. Offenes Schreiben an die Philosophen Deutschlands // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, Bd. 16 (1846).— S. 135–148. Об этом подробнее см.: Gunter S. «Historismus» als spekulative Geschichtsphilosophie.— S. 144–149, 147. Подробнее о конгрессе см.: Schneider A. Personalität und Wirklichkeit Nachidealistische Schellingrezeption bei Immanuel Hermann Fichte und Christian Weisse.— Würzburg: Königshausen u. Neumann, 2001.— S. 150–153.

[28] Ulrici H. Ankündigung der vom Jahre 1847 an erscheinenden Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, als Fortsetzung der Fichteschen Zeitschrift für Philosophie und speculative Theologie // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, Bd.17 (1847).— S. 34 f.

[29] В 60-х гг. потребность в профессиональной периодике подтверждается основанием еще нескольких журналов. Zeitschrift für Exakte Philosophie im Sinne des neueren philosophischen Realismus, hrsg. Tuiskon Ziller (Leipzig 1861–1896). Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft (Berlin 1860–1890), Philosophische Monatshefte (1868–1894). Обзор журналов по философии содержится в Брокгаузе и Эфроне (статья «Философия», раздел «Библиография»). Он еще не потерял актуальность. «Из этого перечня видно, что подъем философской мысли в Германии в конце XVIII в. выразился в большом количестве журналов специального характера; даже в настоящее время едва достигнуто то количество, которое существовало в XVIII веке».

[30] Конке охарактеризовал этот журнал как «...первый, в современном смысле, общий научный специализированный журнал по философии» (Kohnke K. C. Philosophie, Institutionelle Formen.— S. 837).

ное предисловие «Журнала по философии и философской критике». Редакторы журнала считали, что их издание должно говорить о следующем: «...о положении науки [т. е. философии] в отдельных местностях и городах, а также за границей; о духе и направлении наших университетов в связи с философскими исследованиями; о ходе важнейших научных работ; [публиковать] некрологи, биографические и прочие заметки, затрагивающие научные интересы философии; также содержать, по случаю, статьи о месте философии как специальности (Fachwissenschaft) внутри больших научных корпораций (Академий и т.д.), [говорить] о так называемых пропедевтических занятиях в гимназии и методах преподавания философии в университетах». По мнению редакторов, «так же как это делалось и раньше, к каждому тому должен прилагаться по возможности полный список новых поступлений философской отечественной и заграничной литературы»[31]. Отметим, что схожие идеи прозвучали на философском конгрессе 1847 года. Показательно, что развитие философии авторы журнала связывают с конкретными географическими регионами. Такое восприятие свидетельствует о «государственном» подходе. Философы заявляют, что в междисциплинарном пространстве они готовы вести себя агрессивно и наступательно. Они демонстрируют решимость приобрести новых адептов, расширить сферу влияния, сделать более интенсивным обмен преподавателями[32]. В какой-то степени процитированное место напоминает заявление профсоюзного лидера, в котором тот берется защищать интересы коллег. Самосознание философов как представителей специальности, чьи интересы необходимо консолидировано отстаивать, свидетельствует о превращении философии в профессию, в университетскую специальность (Fachwissenschaft).

Наиболее презентативным философом, работающим в новой парадигме книгооборота, явился университетский философов Адольф Тренделенбург. В предисловии к своему главному философскому труду «Логическим исследованиям» (1840) он пишет: «В данных исследованиях обсуждается чужое и предлагается собственное. Последнее было бы невозможно без первого. Ибо собственное должно сначала создать свободное пространство, чтобы иметь возможность двигаться, только тогда можно утверждать что-либо, когда оно ограничит себя от другого»[33]. «Если же в резкости суждения, направленного на ту либо другую мысль, кто-нибудь захочет видеть враждебное чувство к высказавшей ее личности,— да будет тому ведомо, что во всей книге едва ли названо хоть одно имя, которому я не считал бы себя обязанным благодарностью в том или ином отношении»[34]. Такая методологическая установка имплицитно утверждает необходимость включения в философский текст цитат. Включение цитат меняет визуальный образ философского текста, делает невозможным адекватное устное прочтение. И если в начале XIX века можно было помещать в тексте только скрытые цитаты, то ко второй половине столетия цитирование должно обладать особой текстологической выверкой и выделяться специальными техническими знаками. Происходит филологизация философии, более того,

---

[31] Fichte I. H. Ulrici H., Wirth J. U.: Vorwort [zum Jahrgang 1852 der Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik] // Philosophie und Literatur im Vormärz. Der Streit um die Romantik (1820–1854) mit Texten von v. Eichendorff, Feuerbach, Fichte, Hegel, Heine, Schlegel u. a. hrsg. Walter Jaeschke Hamburg: Meiner 1999.— S. 416–421.

[32] Разговор об обмене преподавателями имел свои веские основания. Начиная с середины XIX века немецкие университеты выходят, как мы сказали бы сейчас, на международный рынок образования. Имена немецких университетских философов мы сможем встретить на многих европейских языках, в частности, на страницах русских и англоязычных журналов того времени.

[33] Trendelenburg A. Logische Untersuchengen, 2 Bd, 1.Bd.— Berlin, 1840.— S. V.

[34] Ibid. S. VI.

с доминированием письменности над устностью (умение правильно писать=умению правильно говорить) в практику преподавания философии вводятся новые формы устных занятий — семинары. В университетской практике того времени семинарские занятия по философии предполагали герменевтическую работу над одним заранее определенным текстом. Заимствованное из практики изучения классической (античной) литературы медленное чтение (как правило, на языке оригинала) с обсуждением каждого фрагмента текста демонстрирует качественно иное отношение к печатному тексту[35].

Новое отношение к тексту повлияло не только на исследовательский интерес — всплеск историко-философских штудий, возврат к учениям философов прошлого (неоаристотелизм, неолейбницианство, неокантианство и ест.), но на саму эпистемологическую парадигму. Наиболее яркое выражение новые тенденции нашли в таком популярном философском течении 50-60-х годов, как психологический параллелизм. Май Вегенер отмечает активное использование Густавом Фехнером метафорики шрифта. Исследователь считает: «Без сомнения, в его картине решающим является то, что шрифт природы (фюзиса) переводится без пробелов, т. е. без остатка и в однозначном смысле»[36]. Уподобление природы книге, которую человек может беспрепятственно читать (понимать), является отражением общей ментальной установки философии того периода, ставящей равенство между чтением печатной продукции и пониманием смысла, в ней заключенного.

Философия периода противопоставления духа букве достигала ощущения коммуникационного успеха, оперируя к целостности человека. Философ-гений лично контролировал реакцию своих слушателей. В эпоху тиражируемости философского текста, когда автор текста удален от своего читателя, а читатель автономен в своем потреблении философии, контроль восприятия осуществляется посредством интертекстуальности. Понимание философского произведения предполагает погружение читателя в бесконечный круг ссылок на другие книги. Философ общается с другим философом не посредством перформативного разговора, главным медиумом которого признается дух, а через новый медиум — книгу, понимаемую как место для хранения конгениального знания, как место памяти. Индивидуальный по своей природе процесс чтения книги помещается в публичное пространство университетских библиотек и семинарских аудиторий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кант И. Критика чистого разума А370 // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках.— Т. 2.— Ч. 1 / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой.— М.: Наука, 2006.
2. Маркс К. Подлость немецких профессоров [30 ноября 1848 г.] // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— М., 1955-1966.— Т. 6.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— М., 1955-1966.— Т. 6.
4. Милославский П. А. Типы современной философской мысли в Германии (Очерки из путешествия заграницу).— Казань, 1878.

[35] Köhnke K. C. Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus. Die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus.— Frankfurt. a. M.: Suhramp.

[36] Wegener M. «...das Gefühl Liebe entspräche einer rechtsdrehenden Spiralbewegung der Hirnmoleküle...». Zur Figur des Psychophysischen Parallelismus im ausgehenden 19. Jahrhundert // «Interesse für bedingtes Wissen» Wechselbeziehungen zwischen den Wissenskulturen, (hg.) C. Welsh, S. Willer, München: Fink 2007.— S. 140.

5. Плотников Н. Дух и буква. К истории изданий Гегеля. Путь.— 1995.— № 7.

6. Фихте И. Г. Наукоучение 1805 г. / пер. В. В. Мурского // Фихте И. Г. Система учения о нравах согласно принципам наукучения; Наукоучение 1805 г.; Наукоучение 1813 г.; Наукоучение 1814 г.— СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

7. Фихте И. Г. Основа общего наукоучения / пер. Б. В. Яковенко // Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792–1801 гг.— М.: Ладомир, 1995.

8. Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас.— 2006.— № 3 (47).

9. Шеллинг Ф. В. Й. Лекции о методе университетского образования / пер. с нем. И. Л. Фокин // Лекции о методе университетского образования.— СПб.: Миръ, 2009.

10. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. С прил.: К. Маркс. Тезисы о Фейербахе.— М.: Политиздат, 1989.

11. Briese O. Konkurrenzen: philosophische Kulturin Deutschland 1830–1850. Porträts und Profile.— Würzburg: Königshausen und Neumann, 1998.

12. Derrida J. Nietzsches Otobiographie oder Politik des Eigennamens. Die Lehre Nietzsches. Übers. v. F. A. Kittler // Fugen. Deutsch-Französisches Jahrbuch für Text-Analytik Hrsg. v. M. Frank, F. A.— Kittler, S. Weber. 1980.

13. Fichte I. H. Johann Gottlieb Fichte's Leben und literarischer Briefwechsel, Band 2, 2.— Auflage Leipzig, 1862.

14. Fichte I. H. Vorschläge zu einer Philosophenversammlung. Offenes Schreiben an die Philosophen Deutschlands // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, Bd. 16 (1846).

15. FichteI. H., Ulrici H., Wirth J. U.: Vorwort [zum Jahrgang 1852 der Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik] // Philosophie und LiteraturimVormärz. Der Streit um die Romantik (1820–1854) mit Textenvonv. Eichendorff, Feuerbach, Fichte, Hegel, Heine, Schlegel u. a. hrsg.— Walter Jaeschke Hamburg: Meiner 1999.

16. Fichte J. G. Deducirter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höhern Lahranstalt (1807) // Fichte, Schleiermacher und Steffens über das Wesen der Universität (*Hg.*) E. Spranger Leipzig. 1919.

17. Grau C. Naturwissenschaft und Weltbild // Aufbruchin die Bürgerwelt: Lebensbilder aus Vormärz und Biedermeier / Helmut Bock; Renate Plöse (Hrsg.).— Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994.

18. Hegel G. W. Das älteste Systemprogramm des deutschenIdealismus. Kritische Edition // Mythologie derVernunft. Hrsg. von Jamme Ch., Schneider H.— Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984.

19. Jacobi F. H. Werkein 6 Bd. 1.Bd. (Hg) F. v. Roth.— Leipzig: Jüng. 1812. S. 285.

20. Kittler F. A. Aufschreibesysteme 1800, 1900 / Friedrich A. Kittler.— 3. Neuaufl.— München: Fink, 1995.

21. Kohnke K. C. Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus. Die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus.— Frankfurt. a. M.: Suhramp.

22. Kohnke K. C. Philosophie, Institutionelle Formen, 19. und 20. Jh., Deutschland // Historisches Wörterbuch der Philosophie Bd. 7, 1989.

23. Lau V. Erzählen undVerstehen. Historische Perspektiven der Hermeneutik.— Würzburg: Königshausen und Neumann, 1999.

24. Schlegel F. Fragmente // Athenaeum (Hg) A. W. v. Schlegel, Fv. Schlegel.— Berlin. 1. Bd. 2. Stück. 1798.

25. Schneider A. Personalität und Wirklichkeit Nachidealistische Schellingrezeption bei Immanuel Hermann Fichte und Christian Weisse.— Würzburg: Königshausen u. Neumann, 2001.

26. Trendelenburg A. Logische Untersuchengen, 2 Bd, 1. Bd.— Berlin, 1840.